

Т. В. Аносова

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

anosovatatiana@yahoo.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ И НОВОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ФРАНЦИИ

Рассматривается проблема развития fama (молва, слава) как регулятора общественных отношений в средневековой Франции. В раннем Средневековье общины обладали самостоятельностью в формировании норм, поддержании социального порядка и отправлении правосудия. Fama об отдельной персоне и fama о преступном деянии позволяли общине осуществлять функцию социального контроля и отправления правосудия. В зрелом Средневековье функция отправления правосудия переходит к государственным институтам. В этот период происходит институционализация fama, она становится важной частью уголовного процесса. В XVIII в. во Франции развитие общественного пространства, основанного на размежевании частной и публичной сфер, приводит к формированию общественного мнения, проводником которого выступает публика. Общественное мнение в этот период также выполняет функцию социального контроля и остается при этом независимым от сферы государственного регулирования.

Ключевые слова: традиционное общество, общественное пространство, государство, fama, общественное мнение.

Во второй половине XVIII в. общественное пространство Франции приобретает новые качественные характеристики. Ю. Хабермас характеризует его как буржуазную публичную сферу, в рамках которой размежевание частной и публичной сфер приводит к созданию механизмов, определяющих их независимое существование [Habermas, 1989]. Это общественное пространство формируется при помощи практик публичной коммуникации, как пространство свободного выражения мнения и рациональной дискуссии, представленное публикой. Публика, связанная с просвещенными слоями общества, но дистанцированная от сферы государственного управления, занимает позицию наблюдателя, возвышающегося над сословными ограничениями. Она приобретает право судить обо всех процессах и яв-

лениях в обществе, каким до этого обладали только государственно-политические институты, и определяет общественное мнение [Habermas, 1989; Шартье, 2001; Сеннет, 2002; Волынская, 2014]. Само общественное мнения выступает в глазах французских общественных и государственных деятелей второй половины XVIII в. трибуналом общестственности, решения которого обладают большим авторитетом и силой, чем постановления государственных органов. Анализируя представления Неккера и Пеше об «общественном мнении», К. М. Бейкер отмечает, что оно, не обладая институционализированными полномочиями, «представляет собой силу, гораздо более могущественную, чем любой другой официальный инструмент политического принуждения» [Baker, 1987. P. 61].

Аносова Т. В. Трансформация общественного мнения в средневековом и нововременном обществе Франции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 1: История. С. 39–44.

Большинство исследователей связывают появление общественного мнения в XVIII в. во Франции с развитием структур гражданского общества и практик публичной коммуникации, опосредованных различными инстанциями, например, такими как пресса (см.: [Habermas, 1989; Шартье, 2001; Ozouf, 1989] и др.). Данная работа преследует другую цель, она рассматривает эволюцию категории fama (молва, слава) как одного из регуляторов общественной жизни средневекового общества Франции, в контексте ее сравнения с категорией общественного мнения, возникшей во Франции XVIII в. Подобная постановка проблемы позволяет расширить хронологические рамки исследования общественного мнения и рассмотреть проявление отдельных его элементов в средневековом обществе Франции. П. Ю. Уваров в своей статье «Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение?» обозначил проблему корректности использования термина «общественное мнение» применительно к средневековому обществу. «Выбирая подходы к изучению феномена общественного мнения, придется отказаться от самых крайних и самых удобных утверждений: после Тенниса уже нельзя закрыть глаза на известную проблематичность термина “общественное мнение” в средневековом контексте, но и нет достаточных оснований, чтобы отметить априорно возможность его использования» [1994. С. 181]. В качестве источников изучения категории fama в средневековом обществе Франции использовались литературные памятники, теологические и исторические труды раннего и зрелого французского Средневековья, а также памятники средневекового права Франции.

По мнению Ю. Хабермаса, в Средневековье развивается репрезентативный тип общественности, в котором отсутствует не только противостояние частной и публичной сфер жизни, но и их независимое существование друг от друга [Habermas, 1989]. Репрезентативная общественность развивается в рамках публичной сферы как проявление общественного статуса индивида. «По сути, статус манориального лорда, на любом уровне, был нейтральным по отношению к критериям “общественное” и “частное”; но само лицо, занимающее пост, было представлено от имени общественности. Он показывал себя, представлял себя как олице-

творение некоего вида “высшей” власти» [Ibid. P. 7]. Средневековое общество Франции, как и Европы в целом, представляло собой сложную иерархизированную структуру властных отношений. Статус индивида в этот период определялся принадлежностью его к общности. Корпоративные интересы, хотя и создавали преграды на пути реализации возможностей и личных интересов человека, обеспечивали своему члену защиту и удовлетворение определенного круга потребностей. Община защищала своего члена, но в большей степени она являлась гарантом корпоративных интересов, во имя сохранности которых она, с другой стороны, накладывала на индивида определенные ограничения. «Союзы вассалов, рыцарские объединения и ордена; монастырские братии и католический клир; городские коммуны, гильдии купцов и ремесленные цехи; защитные объединения, религиозные братства; сельские общины, кровнородственные союзы, патриархальные и индивидуальные семейные группы – эти и подобные человеческие коллективы сплачивали индивидов в тесные микромиры, дававшие им защиту и помощь и строившиеся опять-таки на основе взаимности обмена услугами и поддержкой» [Гуревич, 2007. С. 155].

Каждая автономная самоуправляющаяся община имела право самостоятельного социального контроля над своими членами, формирования норм и отправления правосудия. Она сама должна была поддерживать status quo и нормы справедливости в рамках своей общности. Община занималась выявлением преступников и их наказанием. В этот период община вырабатывает механизмы саморегуляции, которые становятся основой правовой системы, правообразующим фактором. «Община озабочена преступлением в целом: от выявления преступника до удовлетворения пострадавшего» [Беттони, 2011. С. 21]. Поэтому в раннем Средневековье контроль государственными институтами социальной сферы носит ограниченный характер, община сама контролирует поведение своих членов.

Механизмом социального контроля поведения индивида в группе являлась fama (молва, слава, репутация). По мнению Ж. Серкилини-Туле, средневековое общество наследует две античные традиции трактовки fama: аллегорическое представление о fama как о монстре, «птице в перьях, по-

крывающих глаза, рот и уши, которая быстро летает по всему миру», происходящее от Вергилия, и трактовку fama как Дома славы у Овидия [Cerquiglini-Toulet, 1993. Р. 40–41]. В первом случае предназначение fama состоит в том, чтобы сделать тайное явным, во втором она должна обессмертить имя своего обладателя.

В средневековом обществе развиваются два вида fama: fama о преступном деянии и fama об отдельном лице. Каждый из этих видов fama зарождается внутри общины и имеет свои социальные последствия. Fama об отдельном лице, – это определенный социальный капитал, то мнение, которое община, или ее достойные члены, формирует и распространяет об отдельной персоне сообразно моральным нормам, функционирующим в обществе. Поступки индивида и оценка общиной его поведения являются основой для создания хорошей или плохой fama, а механизмом ее распространения выступает «глас многих людей» [Беттони, 2011. С. 23].

Фома Аквинский, средневековый теолог XIII в., относил fama, как доброе имя, к категории внешних благ. «Доброе имя представляется одной из наичценнейших переходящих вещей, поскольку его отсутствие препятствует человеку в делании им очень многого» [2013. Ч. II-II. Вопр. 73. С. 303]. Доброе имя находится ближе к духовным благам, чем богатство, но является категорией преходящей и может быть отнято у человека, как любое внешнее благо [Там же. С. 305]. Он также отличает славу людскую от того вида славы, источником которой является Бог [Фома Аквинский, 2008. Ч. II-I. С. 23–24]. «...Благо некоего человека, имеющееся через славу, или известность, в познании многих (конечно, если само это знание истинно), должно быть производным от блага, существующего в самом человеке; и так оно предполагает совершенное или начальное счастье. Если же знание ложно, то оно не согласуется с вещью: и так благо не обнаруживается в том, кто знаменит своею славой» [Там же. С. 24]. Также Фома Аквинский считал, что fama людская, в отличие от божьей, эфемерна, она не обладает постоянством и легко разрушается ложными слухами. Тем не менее подобная преходящая людская fama является достоянием человека и определяет его положение в общине. Человек может приумножать и со-

хранять свою fama, как социальный капитал, но процесс формирования fama и ее контроля ему неподвластен. По мнению А. Беттони, «благодаря добрым или худым делам может сформироваться добрая или худая fama, власть же активации и детерминации данного потенциального результата находится внутри общины» [2011. С. 23]. Другими словами, в руках общины находился инструмент социального контроля (возможность формировать fama индивида), которым она могла пользоваться по собственному усмотрению [Вальдман, 2015].

Примером защиты и поддержки общиной своего члена и его fama может служить институт соприсяжничества, существовавший в судебной практике средневековой Европы. В Салической правде, как и в других варварских правдах, при отсутствии прямых доказательств против подозреваемого, последний приносил очистительную присягу при участии соприсяжников: «Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следующее по закону, он должен представить 12 соприсяжников (которые поклянутся в том), что ни на земле, ни под землю он не имеет имущества более того, что уже отдал» [Салическая правда, 1950. С. 55]. С этого момента данная присяга сама обретала статус доказательства. Роль соприсяжников в этом случае состояла не в подтверждении истинности самих фактов, приводимых обвиняемым, а в том, чтобы удостоверить надежность его клятвы. Количество соприсяжников варьировалось в зависимости от тяжести преступления или от ценности обладаемой им fama. В отдельных случаях половину соприсяжников предоставлял ответчик, вторую часть мог выбрать истец. В Extravagantia B, королевском постановлении, добавленном в IX в. к основному тексту Салической правды, говорится: «По Салическому закону должно быть 12 соприсяжников; такого обычая держатся франки. Мы же в Италии, согласно капитулярию Людовика и Лотаря (клянемся) сам-семь. А свидетелей против франка должно быть 7. Франки после свидетелей не принимают клятвы» [Там же. 1950. С. 84].

Другим механизмом социального контроля является процедура infamia, т. е. обесславливания. Во второй половине XII – XIII в. глоссаторы выделяли два вида infamia: infamia iuris (юридическое обесслав-

ливание) и *infamia facti* (фактическое обеславливание), из которых *infamia iuris* являлось видом обеславливания, находившимся в ведении суда, а *infamia facti* налагалось общиной, которая с его помощью карала несоответствие общепринятым нормам поведения [Беттони, 2011. С. 23]. Таким образом, наряду с формированием *fama*, община обладала возможностью лишить своего члена доброго имени, понизить или полностью отнять его социальный статус. Утрата доброй *fama* ограничивала доступ индивида к званиям, выполнению определенных социальных обязанностей, лишала надежности его слово, в том числе и свидетельские показания, возможности выдвигать обвинения [Там же. С. 24].

В XII в. происходит институционализация *fama*, она становится значимым элементом уголовного судопроизводства. *Fama* как коллективный глас позволяла судье, при отсутствии пострадавшей стороны, начать инквизиционный процесс, т. е. «поступить *ex officio*» [Там же. С. 22]. В этом случае процесс возбуждался не по жалобе, с которой к судье обращался пострадавший, а с *fama denunciante*, доноса о молве, который выступал в роли равноправного субъекта уголовного процесса и представлял пострадавшую сторону. Французский юрист XIII в. Филипп Бомануар определил значение репутации для судопроизводства [Beaupoig, 1900. Т. 2. № 1815. Р. 419].

Памятники раннего и зрелого Средневековья полны нравоучительных историй о потере доброго имени в результате недолжного поведения, что свидетельствует о постоянной заботе членов средневекового общества о своей репутации. Григорий Турский, живший в VI в., начинает главу об осквернении церкви св. Дионисия из-за доброго имени женщины в «Истории франков» следующим образом: «В Париже какую-то женщину обвинили в том, что она, по утверждению многих, оставив мужа, будто бы находилась в любовной связи с другим» [1987. С. 139]. Коллективный глас, так называемое «утверждение многих», выдвинул обвинение против некой женщины в преступном деянии. Это обвинение повлекло за собой требование родственников мужа к отцу этой женщины привести доказательства невиновности дочери либо покарать виновную, чтобы «бесчестье не запятнало род» [Там же]. Спор закончился битвой

двух знатных родов в церкви св. Дионисия, в результате которого и произошло осквернение церкви. Женщину же вызвали в суд, и она покончила жизнь самоубийством. «Книга рыцаря Делатур Ландри, написанная в назидание его дочерям» XIV в. состоит из поучительных историй и новелл о должном поведении и этических наставлений. В одной из таких новелл Ж. Делатур Ландри рассказывает о девице, к которой он отказался свататься из-за ее легкомысленных манер. Ее судьба также оказалась печальной. «И я не женился на ней из-за легкомыслия ее и излишней откровенности. И много раз потом я благодарил Господа за это, ибо не прошло и полутора лет, как ее оговорили и осудили – не знаю, правда, заслуженно или понапрасну. И умерла она в бесчестии» [Пятнадцать радостей брака..., 1991. С. 161].

Таким образом, можно сделать вывод, что *fama* как регулятор соблюдения норм общественной жизни развивается в традиционном обществе средневековой Франции, в рамках практик непосредственной, личной коммуникации. Трансформация роли *fama* связана с эволюцией социально-политических структур средневековой Франции. В раннесредневековом обществе функция создания нормы и отправления правосудия находится вне сферы контроля государственных институтов. В этот период самоуправляющиеся общины самостоятельно осуществляют правосудие и социальный контроль над своими членами. Механизмом подобного социального контроля выступает *fama*. Функция формирования *fama* и ее лишения входит в сферу полномочий общины. Таким образом, через формирование *fama* общество поощряет реализацию определенных моделей поведения.

В XIII в. община постепенно теряет свои полномочия в сфере отправления правосудия и эта функция, как и функция поддержания общественного порядка, переходит к государственным институтам, которые включают ранее существовавшие практики в систему государственного управления. На этом этапе развития средневекового общества *fama* становится важной частью инквизиционного процесса. Тем не менее, несмотря на сокращение возможностей общины в использовании *fama* и *infamia facti*, они продолжают оставаться важным элементом общинного социального контроля.

Фама в средневековом обществе и общественное мнение во Франции XVIII в. имеют сходные функции, но разновекторные направления развития. Они выполняют функцию социального контроля и поддержания моральных норм, необходимых для существования общества, выступают проводниками «гласа народа». Но если fama, возникнув вне сферы государственного контроля, постепенно включается в систему государственных институтов и становится частью процесса отправления правосудия, то общественное мнение, в свою очередь, остается независимым от сферы воздействия властных структур и само выполняет функцию своеобразной судебной инстанции, вынося общественный вердикт самим государственным институтам.

Список литературы и источников

Беттони А. Фама, позорящие наказания и история правосудия (XVI–XVII вв.) // Вина и позор в контексте становления современных государств (XVI–XX вв.). СПб., 2011. С. 17–38.

Вальдман И. А. Политогенез и трансформация традиционного общественного сознания // Идеи и идеалы. 2015. № 1 (23). Т. 2. С. 30–40.

Вольнская А. Г. Скандал как субверсивная практика: препринт WP20/2014/01/ М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 60 с.

Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. 464 с.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 560 с.

Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. М.: Наука, 1991. 318 с.

Салическая правда / Под ред. В. Ф. Семенова. М.: МГПИ, 1950. 167 с.

Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002. 424 с.

Уваров П. Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 175–193.

Фома Аквинский. Сумма теологии / Пер. с лат. А. В. Апполонова. М.: Сигнум Веритатис, 2008. 752 с.

Фома Аквинский. Сумма теологии / Пер., ред. и примеч. С. И. Еремеевой. Киев: Ника-Центр, 2013. 832 с.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. 256 с.

Baker K. M. Politique et opinion publique sous l'ancien Régime // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1987. № 1. P. 41–71.

Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par. Am. Salmon. Paris: Alphonse Picard et fils, éditeurs, 1900. Т. 2. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k220827p.r=Coutumes%20de%20Beauvaisis%20T%202> (дата обращения 23.10.2015).

Cerquiglini-Toulet J. Fama et les preux: nom et renom à la fin du Moyen Âge // Médiévales. 1993. № 24. P. 35–44. URL: http://www.persee.fr/doc/medi_0751-2708_1993_num_12_24_1268 (дата обращения 23.10.2015).

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 1989. 324 p.

Ozouf M. Public Spirit // A Critical Dictionary of the French Revolution. Cambridge, 1989. P. 771–779.

Материал поступил в редколлегию 05.11.2015

T. V. Anosova

*Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

anosovatatiana@yahoo.com

THE TRANSFORMATION OF PUBLIC OPINION IN MEDIEVAL AND MODERN SOCIETY OF FRANCE

The current article deals with the problem of transforming fama (as rumour, reputation) in medieval France and its comparison with the category of public opinion emerging in the eighteenth cen-

ture in France. In the Middle Ages the status of a person was determined by its membership in a community. Fama as a regulator of public relations appeared in the traditional society of medieval France, in the framework of personal communication. In the early Middle Ages the community had autonomy in the formulation of norms, maintaining social order and the administration of justice. Fama about a person and fama about a crime allowed the community to realize the function of social control and justice. Community formed a fama about all its member. A person's actions created the foundation for bad and good fama or reputation. A community could lower the social status of its members by special procedure of infamia (infamy), depriving its members of her good fama. In such a way, the community gave certain patterns of behavior. Fama about a crime was a «collective voice», the rumour about the crime. With fama about a crime the community had a good chance to pursue the criminal. During the High Middle Ages the function of administration of justice became the function of the institutions of state. At the same time, fama became an important part of the criminal proceeding. In the 18th century, the new features of the public space of France began to appear. Public space is formed by the practices of public communication, as a space of free expression of opinions and rational discussions. The public became an observer, had the right to judge about all processes in society and determined public opinion. At the same time, public opinion had a function of social control as a tribunal of public and remained independent of state regulation.

Keywords: traditional society, public space, state, fama, public opinion.

References

Baker K. M. Politique et opinion publique sous l'Ancien Régime. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 1987, no. 1, p. 41–71.

Baumanoir Ph. De. *Coutumes de Beauvaisis*. Am. Salmon (ed.). Paris, Alphonse Picard et fils, éditeurs, 1900, vol. 2. URL: [http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k220827p.r=Coutumes%20de%20Beauvaisis%20T%20\(23.10.2015\)](http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k220827p.r=Coutumes%20de%20Beauvaisis%20T%20(23.10.2015)).

Bettoni A. Fama, pozorjashchie nakazaniya i istorija pravosudija (XVI–XVII vv.). *Vina i pozor v kontekste stanovlenija sovremennyh gosudarstv (XVI–XX vv.)*. St.-Petersburg, 2011, p. 17–38. (in Russ.)

Cerquiglini-Toulet J. Fama et les preux: nom et renom à la fin du Moyen Âge. *Médiévales*, 1993, no. 24, p. 35–44. URL: [http://www.persee.fr/doc/medi_0751-2708_1993_num_12_24_1268\(23.10.2015\)](http://www.persee.fr/doc/medi_0751-2708_1993_num_12_24_1268(23.10.2015)).

Chartier R. *Kul'turnye istoki Frantsuzskoj revolutsii*. Moscow, Izdatel'skij dom «Iskusstvo», 2001, 256 p. (in Russ.)

Gregorius Turonensis. *Istorija frankov*. Moscow, Nauka, 1987, 464 p. (in Russ.)

Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy. Srednevekovyj mir*. St.-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007, 560 p. (in Russ.)

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Polity Press, 1989, 324 p.

Ozouf M. Public Spirit. *A Critical Dictionary of the French Revolution*. Cambridge, 1989, p. 771–779.

Pjatnadsat' radostej braka i drugie sochinenija frantsuzskih avtorov XIV–XV vekov. Moscow, Nauka, 1991, 318 p. (in Russ.)

Salicheskaja Pravda. V. F. Semenov (ed.). Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1950, 167 p. (in Russ.)

Sennett R. *Padenie publichnogo cheloveka*. O. Isaeva, E. Rudnitskaya, V. Sofronov, K. Chuhrukidze (transl.). Moscow, Logos, 2002, 424 p. (in Russ.)

Thomas Aquinas. *Summa teologii*. A. V. Appolonov (transl.). Moscow, Signum Veritatis, 2008, 752 p. (in Russ.)

Thomas Aquinas. *Summa teologii*. S. I. Eremeeva (transl., ed., comm.). Kiev, Nika-Tsentr, 2013, 832 p. (in Russ.)

Uvarov P. Yu. Parizh XV veka: sobytija, otsenki, mnenija... Obshchestvennoe mnenie? *Odissej. Chelovek v istorii*. 1993. *Obraz «drugogo» v kul'ture*. Moscow, 1994, p. 175–193. (in Russ.)

Valdman I. A. Politogenez i transformatsija traditsionnogo obshchestvennogo soznaniya. *Idey i idealy*, 2015, no. 1 (23), vol. 2, p. 30–40. (in Russ.)

Volynskaya A. G. *Skandal kak subversivnaja praktika: preprint WP20/2014/01/* Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014, 60 p. (in Russ.)